

Сочинения Курбского — источник для исследования явлений модальности

Изучение языка произведений Курбского по изданиям связано с известными трудностями. В распоряжении исследователей имеется издание Археографической комиссии¹, не рассчитанное на использование в лингвистических целях. Эта публикация неполноценна в лингвистическом отношении, поскольку текст был осовременен в соответствии с нормами дореволюционной орфографии. Примеры воспроизведения текста «Истории о великом князе Московском» показывают это достаточно наглядно.

В издании Ъ:	В рукописи ² е:
жительствѣ	жителстве (8 об. 1)
обрѣзающе	обрезающе (11 об. 19)
завѣтъ	завѣте (12, 13-14)
вскорѣ	вскоре (14 об. 4)
храбрѣишее	храбреишее (14 об. 7)
дѣла	дела (15, 3)
певнѣ	певне (15, 19)
рѣки	реки (15 об. 16)

¹ См.: «Сочинения князя Курбского». — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.

² В скобках обозначены лист и строка рукописи (ЦГАДА, ф. 181, д. № 60).

людѣхъ
стрѣляюще
сѣкущися

людехъ (21, 17)
стреляюще (22, 15)
секущися (30, 14)

В издании о:

кораблей
препровожаются
риторскомъ

В рукописи а:

караблей (18, 20)
преправажатис (19, 17)
ритарскомъ (35, 19)

В издании у:

чувствомъ
чуваша
сечу

В рукописи ю:

чювствомъ (13 об. 2)
чюваша (16 об. 19)
сечю (21 об. 15)

В издании з:

безчисленными
поблизку

В рукописи с:

бесчисленными (10 об. 13, 18)
поблискѹ (17, 7)

В издании жд:

угождающе
утверждают
утружденно
утвержденномъ

В рукописи ж:

ѹгожающе (9, 16—17)
ѹтвержаютъ (12 об. 3)
ѹтруженно (44 об. 20)
утверженномъ (47, 12)

Отступления от рукописных написаний дезориентируют не только исследователя фонетики, но значительно снижают информационность издания при изучении грамматических и даже лексических особенностей источника.

В издании:

повѣдающе
цѣлыя ноци
надѣящися
онаго
его
роды христьянские
скачаще
предъ
стороны
срѣтение

В рукописи:

повѣдѹще (11 об. 10)
цѣлые ноци (вин.) (14 об. 10)
надѣющися (16, 4)
оног[о] (17 об. 9)
евѹ (23, 5)
роды хрстьянские (вин.) (34, 8)
скачающе (54 об. 3)
перед (17, 18)
страны (20, 19)
срѣтение (30, 16)

Некритическое использование данного издания дезинформирует читателя, не знакомого с рукописью. В этом

отношении показательна монография Н. Дамерау³, в которой при интерпретации языка «Истории», особенно фонетических явлений⁴, не приняты во внимание орфографические условности в передаче текста. Если учесть, что «История» написана Курбским в 1573 г.⁵, а в издании воспроизведен список конца XVII в.⁶, то станет очевидным, что выводы Дамерау относительно фонетических особенностей языка Курбского требуют существенных поправок⁷.

Хронологическая дистанция между оригиналом и последующими списками в общем, однако, не мешает изучению синтаксиса, который меньше всего пострадал при копировании⁸. Знаки исследуемой рукописи, соотносимые с современным понятием знака препинания, знакомят нас с пунктуацией автора, который, очевидно, осуществлял требования, изложенные им в «Сказании о знаках книжных»⁹. То, что Курбский был автором последнего, говорит о его требовательности к синтаксису своих сочинений и позволяет усматривать в них образцы текста, обработанного в литературном отношении. Поскольку критерии «литературности» по отношению к данному периоду истории русского языка определены недостаточно четко, сочинения таких носителей литературной нормы, как Курбский,

³ N. D a m e r a u. Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Berlin, 1963.

⁴ См. там же, стр. 22—25 (аканье, употребление *ѣ*, отражение праславянского *t+j*, *d+j* и др.).

⁵ См.: А. А. З и м и н. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ, т. XVIII. М., 1962, стр. 306.

⁶ О датировке рукописи см. в кн.: «Послания Ивана Грозного». Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, перевод и комментарий Я. С. Лурье, под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951, стр. 547.

⁷ Это важное обстоятельство не отмечено рецензентами исследования Н. Дамерау (см.: Ward A. H a n s e n. «International Journal of Slavic linguistics and poetics», X. Mouton, The Hague, 1966, стр. 182—184; M. J u r k o w s k i. «Slavia orientalis», XIII, № 3. Warszawa, 1964, стр. 370—372).

⁸ См. характер различий в рассматриваемом выше издании сочинений Курбского.

⁹ «Сказание о знаках книжных» — составная часть предисловия Курбского к его переводу «Нового маргарита». См.: F. L i e w e h r. Kurbskys «Novyj Margarit». Prag, 1928; С. И. А б а к у м о в. Вопросы пунктуации в трудах русских книжников XV—XVIII вв. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та». Труды кафедры русск. языка, вып. 1. М., 1948.

приобретают в этом плане значение объективного свидетельства. Образованность автора, публицистичность сочинений, обращение к определенной читательской аудитории — все это ориентировало автора на тип языка, который мог бы служить общественно значимым образцом.

Насколько Курбскому удалось завоевать определенного читателя, свидетельствует тот факт, что его сочинения многократно переписывались на протяжении последующих столетий вплоть до XIX в.

Тенденциозно-полемический стиль изложения и связанная с ним манера развернутой аргументации, рассуждений, размышлений вслух дает богатый материал для изучения синтаксиса сложного предложения. Курбский отдает предпочтение таким построениям, которые обеспечивают и емкость содержания, и смысловую глубину. С другой стороны, стремление завоевать читателя достоверностью изложения вызывает у автора потребность более четко определить отношение содержания к действительности и свою точку зрения по поводу излагаемого. Все это создает предпосылки для активного вторжения субъективно-оценочного элемента в структуру повествования и делает сочинения Курбского ценным источником для наблюдений над средствами так называемой свободной, факультативной модальности¹⁰.

Среди средств субъективной оценки в структуре сложного предложения полноправное место принадлежит частицам и союзам, которые находятся вне сферы морфемного синтаксиса, и модальная роль которых часто остается незамеченной. «Естественно, что изучение модальных значений союзов неразрывно связано с исследованием разных типов так называемого „сложного предложения“, — пишет В. В. Виноградов. — Весь этот круг проблем современного русского синтаксиса остается до сих пор мало

¹⁰ Модальностью мы называем явление синтаксической замкнутости, связанное с оценкой содержания высказывания со стороны говорящего лица. Модальный компонент образует в предложении синтаксически автономную зону «модуса» и вызывает нарушение синтагматической цепи, в которой синтаксическая связь компонентов, как правило, закреплена флективными средствами, в соответствии с типологической природой русского языка. Если факультативная, свободная модальность в предложении не выражена, то в этом случае мы имеем дело с «нулевой», или «связанной» модальностью, которая совпадает с предикативностью как обязательным свойством всякого предложения.

уясненным. На различиях в модальности высказывания основано различие типов предложения. Различия в модальных значениях союзов играют большую роль в дифференциации разных типов сцепления или сочетания предложений, разных видов зависимости между ними»¹¹.

При наблюдении над синтаксисом сочинений Курбского бросается в глаза употребительность частицы *аще*, которая внешне сближает предложения с условной и уступительной связью и может привести к искаженному пониманию смысла текста. Примета *аще* иногда дезориентирует исследователей, которые, не замечая важных различий между условными и уступительными структурами, полагают, что уступительные отношения из-за их сложности осознаются позднее, чем условные. Мы не разделяем мнения Б. В. Лаврова, будто уступительные отношения свойственны «лишь позднему, хорошо развитому языку, знающему многие типы логических связей в подчиненном предложении»¹². Это положение автор мотивирует трудностью уступительной связи, которая выражает «отсутствие ожидаемого следствия при выполненном условии»¹³. Но если смысл «вопреки ожиданиям» уже реализован в рамках простого предложения, значит осознано и противоречие этого ожидания условию¹⁴. Смысл «вопреки ожиданиям» не мог возникнуть изолированно, в отрыве от осознания условно-следственной зависимости.

Исходим из предположения, что уступительная связь довольно рано выделилась в самостоятельную, а потому и оформлялась иначе, чем условная. Нельзя считать, что уступительные отношения осознаются после условных. И те и другие образуют две стороны одного и того же познавательного процесса (мотивированная ассоциация — немо-

¹¹ В. В. В и н о г р а д о в. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», т. II. М.—Л., 1950, стр. 77.

¹² Б. В. Л а в р о в. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, стр. 116.

¹³ Там же.

¹⁴ Ср. у Курбского: «Онъ ж, егда услышал великий князь стоять с войском противъ его готовъ надъ надеждъ его. [бо певне споведался иж уже на Казань пошелъ]. . . (История, 15). — Здесь и в других случаях примеры из Курбского со ссылкой на РИБ (т. 31. СПб., 1914) воспроизводит орфографию и пунктуацию издания. Примеры без ссылки на РИБ цитируются по рукописи ЦГАДА (ф. 181, № 60).

тивированная ассоциация). В одном случае в основе ассоциации лежит сходство, в другом — различие¹⁵.

Неверно думать, будто уступительные отношения возникают лишь на базе гипотаксиса, обслуживают только сложное предложение. Обе модальности могли противопоставляться друг другу в пределах простого предложения, так как субъективно-оценочные свойства модальных частиц не зависят ни от содержания, ни от синтаксической сложности отрезков текста, которые они обслуживают. Например, частица *хотя* уже после того, как в русском языке сложилась категория так называемого подчинения, могла сопровождать любой член простого предложения, внося модальный смысл; субъективную оценку: обстоятельство, которому не стоит придавать значения, свойство, которым можно пренебречь¹⁶.

В рамках простого предложения *аще* проявляет проблематическую модальность и соотносима с частицей *ли*: Тогда . . . приде к немъ единъ муж . . . заклинающе ег страшнымъ бжииимъ імянемъ еще к томъ і чудеса и аки бы явление от бга повѣдѣще емъ [не вѣмъ аще истинные абѣ такъ ѡжасновение пѣщающе; бѣхиства ег раді . . . ѡмыслилъ былъ собѣ сие . . .] (История, 11 об.); Азь же вопросихъ: Аще ли вся есть книга Великого Василия у нас (?) (РИБ, 31, 415). В роли частицы может выступать «условный союз» *естъли (если)*: И къ тому рекъ: Есть написана книга, евангельскими и апостольскими словеса едиными, избираючи и сочиняючи приличные, и глаголють ее аки бы Василиа Великого. Азь рекъ: Не вѣмъ, естъли есть его (РИБ, 31, 415—416).

В приводимых примерах нет синтаксической двусторон-

¹⁵ Ср. замечание Ф. де Соссюра: «Весь лингвистический механизм вращается исключительно вокруг тождеств и различий, причем эти последние только оборотная сторона первых» («Курс общей лингвистики». М., 1933, стр. 109).

¹⁶ Ср. у Курбского: «Не ужасайтесь техъ то предреченныхъ соизматовъ, но изберете себѣ мужа единого отъ презвитеровъ, а не будетъ ли, и вы хотя отъ простыхъ словесна и писаніямъ искусства и, пріявъ тую книгу въ руки, противитися непреборимымъ онымъ и непреодолѣваемымъ оружіемъ» (РИБ, 31, 429—430); «Есть ли, государю, былъ еси хотя мало прочиталь . . . не токмо бы возгнущася еси самъ отъ таковыхъ дохматовъ или отвѣтовъ просити, или изыскивати, но и другимъ наша страна правовѣрнымъ христіаномъ възбранилъ бы еси и запретилъ» (До князя Константина воеводы Киевского. — РИБ, 31, 217 об.—218).

ней условно-следственной структуры, так как налицо нет следствия. Поэтому здесь *аще*, *аще ли*, *естьли* не могут рассматриваться как условные союзы «сложноподчиненных» конструкций. Здесь зафиксированы только осколки самостоятельных вопросительных предложений, Частица *и*, сопровождающая *аще*, не усиливает условно-ирреальный смысл этой частицы, а вносит существенную поправку, меняющую оценочную функцию *аще*. Модальный комплекс *аще и* уже в условиях простого предложения способен вносить акцент «уступки» в смысл комментируемого члена предложения: А сель со живѣщими зѣло мало понежѣ у нихъ села при великихъ крепостях ставлены и не зрима *аще* і поблискѣ ходящимъ (История, 17); да прочитаеши ихъ часто, *аще* и помалу (До князя Константина воеводы Киевского. — РИБ, 31, 217 об.).

Другая основа для возникновения «гипотактической» сложной уступительной структуры также могла быть подготовлена уже на базе простого предложения и закреплялась противопоставлением первообразных союзов *и*—*но*. В роли *но* мог выступать любой компонент с противительным значением: Сенсъ быти неяко можетъ, но околичность слогней зело будетъ далеко (Кн. Острожскому. — РИБ, 31, 198 об.). Ср. также у Ивана Грозного: Другой на вас Селивестр наскочил, а однако его семьи (Посл. Ив. Грозн. 179).

Потенциально это уже развернутая двучленная структура с двусторонней связью («хотя. . .но»). Противительная модальность несет в себе зародыш уступительного значения не только в пределах простого предложения, но уже на почве простого словосочетания, вне предикативной структуры. Это объясняется особой модальной силой *но*, его особым положением среди других модальных средств русского языка. Семантическая полноценность *но* делает его модально устойчивым знаком. Частицы, примыкающие к *но*, не способны нейтрализовать его противительного значения ¹⁷.

¹⁷ «Союз *но*, — указывает В. В. Виноградов, — в отличие от союза *а*, имеет строго очерченный, логически измеренный круг употребления. Этот союз обозначает резкое, энергичное, логически взвешенное противопоставление или возражение. У него, в сущности, одно основное значение. В связи с этой грамматической определенностью значения союза *но* стоит его субстантивированное употребление: есть одно «но»; маленькое «но» и др.» — В. В. В и н о

Семантическая устойчивость *но* (и его синонимов с противительным значением) по сравнению с *и* подтверждается такими наблюдениями. В языке Курбского довольно часто встречается конструкция со специфическим модальным смыслом, который можно кратко обозначить формулой «не токмо. . . но и»: И не токмо и кони рѣских сынов во Азїи с текущихъ рѣкъ напишася с Танаиса и Куалы и з протчихъ но и грады тамо поставишася (История, 14—14 об.); ѿ нем же і о свтомъ жителстве егѡ не токмо тамо рѣская земля вѣдома но и Герберштень нарочитыи мужъ царскїи і великїи посолъ, на Москвѣ былъ і ѡвѣдалъ і в кронїце своеи свидѣтельствѣтъ (История, 8—8 об.).

В пределах этой формулы умещаются и непредикативные единицы, поэтому ее нельзя назвать моделью только сложного предложения:

И вапа милость и учитель твои, панъ Игнатей, не токмо по грецки, але и по латыне, сподеваюся, а ни мало не умѣте, только хулити и сваритися искусны есте (РИБ, 31, 444); Крови ѡже напившия всякие не токмо всѣхъ животных но и человѣческия (История, 12 об.).

Наблюдение над структурами, оформленными посредством *не токмо. . . но и*, показывает, что здесь *и* постоянно сопровождает *но*, следует за ним. Вместе с тем *и* не способно нейтрализовать противительный смысл *но*, вся структура построена на противопоставлении. Опускание *и* также не изменяет модального смысла конструкции. Логическим стержнем ее остается союзно: Не токмо сіе да прочтешъ самъ, но своимъ премудрымъ езуитомъ покажешъ (РИБ, 31, 435); Азъ же не токмо Великого Василя всю книгу купишь, но иныхъ нѣкоторыхъ учителей нашихъ (РИБ, 31, 417).

Итак, ни присутствие, ни отсутствие *и* не изменяет противительной модальности, создаваемой союзом *но*. Приводимые факты подтверждают мнение об особом положении *но* в системе союзов. *Но* является логическим стержнем в сложной двучленной конструкции с уступительной модальностью.

Конечно, присутствие частицы *аще* в условных и уступительных предложениях не случайно. Этот факт свидетель-

ствуем о генетической близости данных структур. Но внешнее сходство не должно дезориентировать исследователя при разграничении условных и уступительных конструкций в синхронном плане. При сопоставлении разных по смыслу предложений, оформленных с помощью *аще* и *если* на синтагматическом уровне, разложение модальных компонентов на составные элементы недопустимо. Оно не только ничего не дает для дифференциации условных и уступительных конструкций, но может привести к ошибочному выводу об их структурном и смысловом тождестве. При изучении древнерусского синтаксиса произвольная трансформация текста может привести к субъективным выводам. Поэтому мы принимаем коммуникативный отрезок в том виде, как он реализован в тексте, учитывая весь комплекс языковых знаков. Задача синхронного описания — выявить логический центр сложной структуры. Для этого необходимо отделить содержательную информацию каждого предложения от синтаксически изолированной модальной «зоны» и установить, как распределены функции между модальными знаками.

Наблюдения над условными и уступительными структурами в языке сочинений Курбского показывают, что они поддаются строгому разграничению. Признак линейного расположения частей не помогает дифференцировать условно-следственные и уступительные конструкции. Та и другая, как правило, воспроизводят естественный ход мысли: логически предшествующее предложение чаще всего находится в препозиции. Но это не универсальное правило. Устойчивая позиция координирующих элементов создает возможность для отклонения от «естественного» расположения частей в уступительном предложении: Да не смутимся, аще и сицевымъ всѣмъ злымъ бываемымъ, и воздвигнемъ главы своя къ живущему въ превыспреннихъ (РИБ, 31, 399). Частица *да* выполняет здесь роль противительного союза, так как все высказывание противопоставлено предыдущему¹⁸. Ср. также препозицию следствия и постпозицию условия в языке

¹⁸ Противительный союз не может стоять в абсолютном начале предложения, так как всегда требует повода «слева». Союз *но* в начале высказывания остается союзом, поскольку подразумевается противопоставление, возражение сказанному ранее.

Ивана Грозного: А то сам за свою душу отвечает, коли не ищет своей души спасения (Посл. Ив. Гр. 190)¹⁹.

В процедуре построения развернутой двучленной структуры выбор союза обусловлен позицией говорящего субъекта, который не просто «сцепляет» два содержательных фрагмента, а квалифицирует характер связи, мотивирует ее.

Лингвистическую интерпретацию высказывания можно представить как расшифровку актуального значения его компонентов.

При разграничении условных и уступительных структур в составе двух самостоятельных предложений мы имеем дело с предикативной единицей высшего уровня, в которой зафиксирован новый акт предикации. Сложное предложение представляет собой новую цельную структуру с самостоятельным предикативным ядром. Предикативное ядро сложных уступительных и условных предложений — не абстракция, а реальный языковой знак, который находится в определенной позиции и осуществляет синтез двух простых предложений.

Семантическая определенность и устойчивость союза *но* приближает его к полнозначной лексеме и как бы включает в сферу лексемного синтаксиса, в которой функционируют модальные слова. С другой стороны, союз *но* обнаруживает свойства, так называемой объективной модальности, выступая в роли предикативного ядра сложного предложения²⁰. Модальная устойчивость *но*, синтаксическая изоляция и положение перед заключительной частью сложного предложения делают его логическим

¹⁹ Примеры из сочинений Ивана Грозного цитируются по изданию: «Послания Ивана Грозного». Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.—Л., 1951.

²⁰ Координирующая функция *но* не только не противоречит его модальности, но, наоборот, прямо соответствует его модальным способностям. Таким образом, и семантика, и собственно «союзная», скрепляющая роль *но* говорят в пользу его модальности. Очевидно, союзы нужно рассматривать как ядро категории модальности вообще, потому что роль модуса является их постоянной, обязательной функцией в предложении. Модальная функция союза обусловлена самой природой этой грамматической категории, в то время как другие модальные средства выполняют эту роль лишь эпизодически.

центром²¹, связкой уступительной структуры: Азь отвѣщаль: Аще, молвлю, и добуду грецкимъ умѣющаго, або латинскимъ, ||| но словенскіи не будутъ умѣти (РИБ, 31, 416).

Вместо *но* может выступать его синоним с противительным значением: Тогда ваша милость простеръ вопросы, и притомъ вскоре разширилъ и выклады. . . И того было вяще, неже на годину, яко и всемъ дивитися, не выслушавъ повѣсти а ни мало; а егда мы тѣми отвѣщати, аще и мало зело глаголали, ||| а ваша милость заразь возопилъ: О долготѣ звягъ твоихъ! (РИБ, 31, 442).

Усилительная частица, сопровождающая *но*, не изменяет смысла: Аще и не *взял* мѣста онога главнаго сирѣчь Казани града и со *тщетою* немалою атоиде ||| *но* всяко не сокрѣшилось ему сердце і воинство его храброе ѡкрѣпляющѣ бгѣ оными совѣтници его (История, 14 об.).

Помимо противительного союза, здесь еще одна показательная примета уступительности. Это частица *и* в предшествующем предложении, которая может приобретать значение самостоятельного признака уступительной структуры. Ср. уступительную конструкцию, оформленную с помощью «условного союза»: *если бы и не мало ученых сошлося, словенска языка кланяюще чины грамматические и прелагающе въ польскую барбарію, изложити текстъ въ тестъ не возмогутъ . . .* (РИБ, 31, 413).

Если *но* в позиции связки сочетается с модальным коррективом к *аще* (*если бы*), то контуры координирующего комплекса таковы: *аще и (если бы и) . . . но*. В этом случае уступительная структура выражена особенно четко²².

Таким образом, наличие модального знака с противительным значением в «контрольной» позиции, непосредственно перед заключительным предложением, можно считать достаточным надежным признаком уступительной конструкции.

²¹ Далее положение «логического центра» отмечаем тремя вертикальными чертами.

²² В монографии Э. И. Коротаевой «Союзное подчинение в русском литературном языке XVII в.» (М.—Л., 1964) структуры, оформленные комплексом *еще . . . и; аще . . . но* и т. п. рассматриваются как комбинации сочинения с подчинением и свидетельствуют, по мнению автора, о том, что сложноподчиненное предложение «находилось в состоянии формирования», что «неустойчивые формы

В этой позиции модальный знак выражает точку зрения говорящего на характер связи содержательных частей. А от этого зависит окончательный, актуальный смысл законченного коммуникативного отрезка.

Содержание заключительной части не мотивировано содержанием предшествующей. Модальная основа уступительных отношений — ассоциация, внутренне немотивированная.

Положение между логически предшествующей и логически последующей частью сложного предложения соответствует позиции связки. Именно эта позиция должна быть объектом особого внимания при анализе структуры сложного предложения, потому что здесь координирующий элемент ярче всего проявляет собственно союзные свойства. В этой позиции в уступительной структуре союз *но* никогда не может быть заменен союзом *и*, так как они противоположны по смыслу. С другой стороны, опущение копулятивного элемента означает опущение именно союза *и* как модального знака с утвердительным смыслом. Поэтому отсутствие союза в позиции связки допускается только в условно-следственных конструкциях:

Аще бы по ряду писати ||| могла бы повесть цѣлая быти (История, 13); И аще храбре явился еси и мужественъ, противу супостатовъ, въ телесныхъ дѣлахъ славу себѣ добрую набывая предо всѣми людьми въ мире сем, ||| кольми паче подобаетъ ти мужатися и храбрствовати сопротивъ невидимыхъ враговъ Христу (РИБ, 31, 450); А естли бы вапа милость неискушательне, а ни со упрямствомъ,

выражения свойственны сложноподчиненному предложению этого периода в целом» (стр. 8). Но такая же «неустойчивость» свойственна и современным структурам с условной и уступительной связью. Ср. современные *если. . . то; если и. . . однако; хотя. . . но* и т. п. Очевидно, деление союзов на сочинительные и подчинительные мешает уяснить специфику рассматриваемых конструкций. «Подчинительные союзы» *аще, естли* сами по себе не являются дифференцирующими. Игнорирование специфических структурных показателей уступительной связи приводит к тому, что такие предложения, как «Аще бы в орде, ||| только бы в добре» рассматриваются как условно-следственные (там же, стр. 137). В структуре с уступительной связью: «Иногда вопрошен от некоего, чим имел быть лучши сын его, когда бы его отдал в научение, тако отвещал: естли больше и ничего не будетъ, ||| однакожь не будетъ в зрелищи сидеть, аки камень на камени» остается незамеченным противительный союз в позиции логического центра (там же, стр. 189).

хотѣлъ отъ насъ пользоваться, ||| не темъ бы было обычаемъ показати (РИБ, 31, 442—443).

В предложениях с условно-следственной связью компонент *аще, естли* не сопровождается поправкой, вносимой модальной частицей *и*²³. В то же время в роли связки здесь выступает не противительный союз, а координирующий элемент с утвердительным смыслом: *и, то, там, тогда* и т. п.

Аще ли богъ тебя принесетъ до насъ, ||| то бы азъ сѣлъ со единымъ бокаляромъ за книгу Павловыхъ епistolъи, бесѣдованныхъ отъ Хрисостома (РИБ, 31, 418); А естли бы вашей милости не полюбилася, ||| то бы ваша милость тотъ (п)аперъ спалити казалъ, або попу якому въ церковь рускую отдалъ (РИБ, 31, 413).

А естли богъ восхоцетъ, ||| и мы къ вамъ поспѣшимъся со двѣма нарочитыми свѣдками (РИБ, 31, 424); А если бы замужъ пошла (малжонка), ||| тогда его милость княжа Костентинъ Острозскій... потомство мое въ милостивое выхованье до себе взяти рачить (Тестамент 1581 г. — РИБ, 31, 228); А естли вашей милости потреба его, ||| тамъ ваша милость находити можешъ (Кн. Збаражской. — РИБ, 31, 75).

Взаимная обусловленность частей и структурный параллелизм²⁴ сближает условно-следственные предложения с временными, в которых ассоциация также имеет логически мотивированный характер. А коли есмя шли первое въ нѣмцы, ||| и язъ видѣлъ игумена и васъ всѣхъ монастырь оставя, внутрь градъ крыющихся (РИБ, 31, 405). В позиции логического центра и там, и здесь — элементы, соотносимые со связкой утвердительного значения.

Логически мотивированная ассоциация, которая образует структурную основу предложений с условно-следственной связью, сближает их с двучленными конструкциями такого типа: *А што тежь служебникъ мой, Иванъ Мошнинскій, за порученьмъ въ скарбе моемъ будучи, заведаль такъ гроши готовые, золото, сере-*

²³ Описанное выше противопоставление *аще* — *аще и* распространяется и на *естли* — *естли и*.

²⁴ Структурный параллелизм проявляется в том, что двучленность содержательных частей соответствует двучленности координирующих элементов: *коли... и; естли... то; естли... там; ли... тогда* и т. п.

бро, шаты, зброи, цыны и мѣдь, и всякіе речи рухомые отколка лѣтъ на рукахъ своихъ мель, ||| и съ того мне личбу здаль (Тестамент 1583 г. — РИБ, 31, 142 об.); А что ваша милость пишешь, иже бы я тебѣ написал и указаль о Люторе, почому есть нарицаль его псевдопропитомъ, ||| о томъ есми съ вашею милостию устне молвилъ широко (РИБ, 31, 440—441).

Характерной внешней приметой этих предложений является частица *a*, выступающая в типичной для нее роли — обозначения начала коммуникативного акта²⁵. Логически предшествующая часть здесь имеет значение повода, темы, а заключительная — значение вывода, высказывания по поводу первой части. В позиции связки — те же союзные элементы, что и в предложениях с условно-следственной связью: *и, то тогда*: А што ваша милость пишешь до мене о некоторого подданого своего Голодовича, причитаючи ему за справою Хмелевою злодеиство и зрадецтво, ||| тогда я подданого вашей милости въ себе не маю, злодеевъ и зрадецъ не ховаю (Кн. Збаражской. — РИБ, 31, 76).

Значение повода и высказывания по поводу особенно прозрачно в следующих структурах: А что се дотычетъ речей моихъ рухомыхъ, которые по животѣ моемъ зостануть, ||| *то*, все отъ велика и до мала, потомству моему на равные части отписую (Тестамент 1581 г. — РИБ, 31, 228); А что ся тыче о епискупехъ богатыхъ и о мшихъ многостяжательныхъ . . . ||| нехай имъ богъ судить (Чапличу. — РИБ, 31, 209 об.).

Эти структуры соответствуют современному типу: «а что касается . . . то».

Предложения, организованные по схеме «тема—высказывание по теме», обнаруживают настолько тесную структурную близость с условно-следственными, что не всегда поддаются строгому разграничению с последними. «Придаточное» предложение не имеет характерного для условных предложений «условного союза». Ср. в языке И. Грозного: А что будет по твоей мере мена или окуп, ||| и мы тебя тем пожалуем (Посл. Ив. Гр. 194); А что при-

²⁵ Способность *a* начинать неожиданное высказывание, не аргументированное предшествующим, объясняется особой модальной природой этой частицы. В отличие от *но*, частица *a* может занимать позицию абсолютного начала высказывания.

шлют братия поминков, ||| и он бы отсылал в монастырския службы (Посл. Ив. Гр. 191); А кому к нему прийти беседы ради духовныя, — ||| и он приди не в трапезное время (Посл. Ив. Гр. 191).

Принципиальные структурные различия здесь также зависят от модального смысла союза, занимающего позицию логического центра. В предложениях, организованных по схеме «тема—вывод», в роли связки может выступать союз *ино*: Што ваша милость рачишь писать до мене о неякомъ слуге слуги вашей милости велможного Хмеля, яко бы немало зашкодивши отъ него втекъ и во именью моему в Ковлю былъ, ||| ино рачишь ваша милость о томъ ведати, ижъ я такового слуги въ себе не мамъ (Кн. Збаражской. — РИБ, 31, 75); А што есми былъ перво сего тестаментъ справиль, который на вряде кгородскомъ Володимерскомъ оповеданъ и въ книги вписанъ был, ||| ино для певныхъ причинъ отменити есми мусель, . . . яко жъ я его симъ тестаментомъ теперешнимъ последнимъ. . . уморяю и въ нивечъ вечно оборочаю (Тестамент 1583 г. — РИБ, 31, 143).

Эти конструкции построены на противопоставлении. Логически немотивированная ассоциация сближает их с уступительными предложениями. Союз *ино* в позиции логического центра проявляет противительное значение.

В сочинениях Курбского союз *ино* встречается довольно редко. Богатый материал для наблюдений над этим союзом дают письма Ивана Грозного. Смысловая сложность этого союза связана с двойственностью его модальной структуры и близостью к родственной частице. Ср.: А коли бы ты сказывался молодой человек — ||| ино б на тебе Дивея не просили (Посл. Ив. Гр. 194); А коли жестоко в черныцах, ||| ино было жити в боярех, да не стричися (там же, стр. 175); И только пострижением вражды мирския не разрушити, ||| ино то и царства, и боярства, и славы никоея мирския отложити (там же, стр. 179); Ведь дати воля царю — ино и псарю; дати слабость вельможе — ино и простому (там же, стр. 173).

Здесь *ино* как будто выполняет роль модально нейтральной связки и приближается к соотносительному слову *то* в условно-следственных структурах (*аще . . . и; если . . . и; если . . . то; если . . . тогда* и т. п.).

Ср. также конструкции с двусторонней связью темы — вывода: А что Шереметев сказывает, что его болезнь

мне вѣдома: ||| ино вѣдь не всех леженек для разорити законы святыя (Посл. Ив. Гр. 192).

Однако отождествлять *ино* и *то* в данной позиции нельзя. Известно, что соотносительное *то* было известно русскому языку XVI в. в роли логической связки²⁶. Очевидно, выбор именно союза *ино* соответствует определенному намерению говорящего лица. Говорящий оспаривает какое-то другое мнение, известное из предыдущего контекста, либо противопоставляет свою позицию другой точке зрения, которую он имеет в виду. Таким образом, в коммуникативном отрезке значение союза *ино* не складывается из суммы двух элементов *и*+*но*. «Сцепление» двух противоположных модальностей не приводит к нейтрализации. Противительное значение *но* и здесь играет роль модальной доминанты.

Союз *ино* обнаруживает целую гамму модальных оттенков. Его семантика представляется в виде разрозненных, противоречивых значений и часто затрудняет понимание древнерусского текста. Уточнение нюансов в значении подобных модальных элементов способствует адекватному восприятию текста, облегчает осмысленное прочтение письменного памятника.

Наблюдения над некоторыми письмами Ивана Грозного создают впечатление, что весь синтаксис их построен на вариациях союза *ино* и созвучной ему частицы.

Ино с оттенком следствия, результата: Вѣдь коли ровно, ино то и братство, а коли не ровно, которому братству быти, ино то иноческаго жития нет (Посл. Ив. Гр. 180); И коли бы ты хотел правдою жити, и ты бы прислал ко мне послов, ино бы то все без крови изправилось (там же, 152).

Ино в значении мотивировки, обоснования: А кому к нему приити беседы ради духовныя, — и он приди не в трапезное время: есты бы и пития в те поры не было — ино то беседа духовная (там же, стр. 191); А што на Шереметевых гнев держати, ино вѣдь есть его братия в миру, и мне есть над кем опала своя положити (там же, стр. 178).

По сравнению с книжнославянским союзом *понеже* (в причинном значении) модальные оттенки *ино* богаче.

²⁶ Ср. рассматриваемые выше условно-следственные конструкции *аще... то*; *естли... то*.

По существу у *ино* и *понеже* есть лишь одна точка соприкосновения — значение причины; если *понеже* выражает логически взвешенную квалификацию причины: то *ино* вносит субъективный оттенок колебания, сомнения. Речь идет о мотиве, побочном факторе, который может быть и причиной и поводом. *Ино* отличается меньшей категоричностью оценки.

Возможно, в книжном языке XVI в. живая связь *понеже* с частицей *поне* уже утратилась²⁷. На семантику союза *ино*, наоборот, влияла его близость к наречию *иногда* и к модальной частице местоименного происхождения *иное*, которые создавали питательную среду для формирования причинного значения союза *ино*. В *понеже* стирается значение следования одного факта за другим в пространстве и во времени; абстрагируется значение «после того», «за тем». В *ино* стирается субъективный оттенок сомнения, неуверенности. Повод осмысливается как причина. В явлении, имевшем место где-то в другом месте или когда-то в другое время, говорящий усматривает непосредственную причину другого факта, несмотря на «физическую» удаленность сопоставляемых фактов. Ср. *иное* с оттенком побочного мотива, дополнительного аргумента: А коли мы первое были в Кирилове в юности, и мы поизпоздали ужинати, занеже у вас в Кирилове в летнюю пору не знати дня с ночью, а иное мы юностным обычаем (Посл. Ив. Гр. 177).

В семантике союза *ино* как бы перекрещиваются близость к местоимению *иной* и синонимичность модальной частице *ведь*. Это объясняет широкий диапазон данного слова — от значения повода к значению причины и результата. Близость к *ведь* проявляется в том, что *ино* и *ведь* указывают на какой-либо аргумент, фактор, известный собеседнику (или ранее упомянутый), который нельзя упускать из виду. Говорящий как бы напоминает о существовании какого-то иного обстоятельства, которое может быть потенциально и следствием, и причиной, и внешним поводом.

Вся гамма модальных значений и оттенков союза *ино* по существу сводится к генетической близости этого

²⁷ Ср. многообразие модальных оттенков этой частицы в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.

слова к местоимению *инъ*, *иный*²⁸. Интересно, что одни усматривают этимологическую близость этого слова к местоимению *иной*, другие — возводят его к *и+нъ*²⁹. Очевидно, между той и другой этимологией нет противоречий: местоимение *инъ* и союзный комплекс *инъ* имеют одну и ту же семантическую структуру («и тот, и не тот»). Ср. *ино*. . . *ино* в значении «одно. . . другое»: *Ино* бо есть единому жити, а *ино* во общем житии (Посл. Ив. Гр. 174).

При анализе синтаксических функций союза *ино* нельзя забывать и о его связи с однозвучной частицей *ино*, которая, в свою очередь, обнаруживает значение ирреальной модальности. Ср. *ино* в роли вопросительной частицы: *Ино* то ли путь спасения, то ли иноческое пребывание? (Посл. Ив. Гр. 178). В составе *ино* формант *но* выполняет роль модальной доминанты. Элемент *и* не способен окончательно «снять» противительную модальность в семантике *ино*. Эту же роль модальной доминанты формант *но* обнаруживает и в составе союзов *ажно*, *ано*. Ср.: Ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали (Посл. Ив. Гр. 193); Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталось: все отнесено на погреб (там же, 176).

Семантика этих союзов обнаруживает яркую субъективную окраску. Говорящий квалифицирует следствие как внезапное, неожиданное явление. Логическая схема структуры близка к уступительной: в основе лежит та же немотивированная ассоциация, необоснованность результата с точки зрения говорящего лица. Различия модальных оттенков *ано* и *ино* обусловлены различием морфологической структуры этих союзов. Союз *ино* — это синтез элементов с противоположным модальным смыслом, поэтому в *ино* заметна некоторая тенденция к модальной нейтрализации (ср. приведенные выше условно-следственные конструкции, в которых *ино* сближается с соотносительными *то*, *тогда*). В структуре *ано*, в отличие от *ино*, сочетаются качественно однородные модальности: противительная модальность форманта *но* поддерживается

²⁸ М. Фасмер указывает, что союз *ино* «не связан с *иной*, вопреки Бернекеру. . . и Преображенскому» (М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 133).

²⁹ Там же.

элементом *a*, который также выражает логически не мотивированную ассоциацию. Наблюдения над союзами с формантом *но* еще раз подтверждают мнение об устойчивости *но* и его особом положении среди других союзов.

Смысловая глубина «модальной ситуации» с противительным союзом объясняется сложностью союза: в *но* заключается последовательное совмещение двух логических оценок информации. В результате предварительного вывода констатируется несовместимость двух фрагментов действительности, устанавливаются отношения «или. . . или». Но то, что реализованы оба явления, приводит говорящего к выводу об их актуальном совмещении — отношения «или. . . или» заменяются на «и. . . и».

Исходное противоречие (реализация чего-либо вопреки желанию, столкновение условия с неожиданным «следствием») служит предпосылкой для целой гаммы противопоставлений: потенциального и реального, актуального и неактуального и др. Парадокс, заключенный в уступительной модальности (совместимость несовместимого) обеспечивает ей широкий диапазон: противопоставление внешнего сходства и внутренних различий, важного и неважного, мнимого и истинного и т. п.

Все это делает структурную модель с уступительной связью риторической формулой возражения против определенных положений. Широкие возможности этой структуры объясняют ее употребительность в полемических текстах религиозно-философского и политического содержания.

Сочинения Курбского дают богатый материал для наблюдений над уступительными структурами. Логическая двусмысленность уступительной связи, которая в конечном счете сводится к отношениям «и да, и нет», создает дополнительную модальную окраску субъективной неудовлетворенности³⁰. Обнаружив противоречие, говорящий тем самым констатирует: условие оказалось мнимым, так как оно не вызывает ожидаемого результата; обнаружен лишь внешний повод, а не причина. Коммуникативная задача остается не выполненной. Возникает

³⁰ Здесь имеется в виду интеллектуальная неудовлетворенность говорящего лица. Уступительная связь содержит лишь логическую оценку информации, оставаясь эмоционально-нейтральной модальностью.

ощущение недосказанности, смыслового напряжения, которое требует разрядки³¹.

Все это объясняет, почему предложения с уступительной связью часто распространяются мотивирующей структурой, восполняющей смысловую незавершенность уступительной модальности³². Уступительная связь, как правило, сосуществует с причинной: *Аще онъ і выиграл за грехи хрстіянские битву ||| но обаче уже 8тр8женно войскω імѣтъ також множество раненых и побитых бо бран крѣпкая съ нашими пребывала два дни (История, 44 об.—45). Верь ми, ваша милость, естъли бы и не мало ученых сошлося, словенска языка кланяюще чины грамматические и прелагающе въ польскую барбарію, ||| изложити текстъ въ тестъ не возмогутъ, а не токмо словенскіе або гретцкіе бѣсѣды, ани же слюбымыя ихъ латинскіе. Сенсъ быти неяко можетъ, но околичность слогнеи зело будетъ далеко (РИБ, 31, 413). Предложение «Сенсъ быти неяко можетъ, но околичность слогнеи зело будет далеко» примыкает к предыдущему, органически связано с ним.*

Порядок следования «уступительная конструкция — причинная конструкция» строго не закреплен: Он ж аще і воиска великие прежде града поставления ради послал також и при дѣлах множество воиновъ ||| но обаче тог ради на Казан хождение на мало время отложилъ (История, 15). Причина, заключенная в словах «тог ради», раскрыта в предыдущем предложении: «И приде ем8 вѣсть иже прѣ перекопскіи с великими силами на него идетъ возбраняюще хождение ем8 на Казан». При этом синтаксическая сложность информации не влияет на ее модальную оценку. В данном случае в уступительных отношениях состоят члены простого предложения, сказуемые («послал» но «отложил»).

³¹ Коммуникативно-смысловое напряжение необходимо отличать от так называемого грамматического напряжения, которое возникает между членами предикативной пары в элементарном предложении. (См.: В. Г. А д м о н и. Синтагматическое напряжение в стихе и прозе. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 25).

³² Осознание уступительных отношений происходит вместе с осмыслением причинно-следственных отношений и связано с противопоставлением таких категорий, как причина (реальный, действенный фактор) и повод (внешнее обстоятельство).

Компонент, содержащий обоснование, мотивировку противоречия, может сопутствовать уступительной конструкции не только в форме самостоятельного предложения. Он может вплестаться в уступительное предложение в виде оборота с причинным значением: *Аще ми і во младыхъ лѣтахъ сщ҃хъ бо еще мне тогда лѣтъ было аки двадесять и четыре отъ рождения ||| но всяко за благодатию хрста моегъ приѣдохъ къ томѸ достоинствѸ не туне (История, 20); А хотя быхъ подданныхъ такъ обвиненныхъ имель тыхъ, ||| а звлаща такъ обвиненныхъ, безправне, быхъ не выдавалъ (Кн. Збаражской. — РИБ, 31, 76); И ту ужъ намъ привожено і по странамъ ѣздя добывано кѡпити хлѣба и скотовъ. Аще и зѣло дорого плачено ||| но намъ было яко ізнемоглымъ отъ гладѸ благодарнцѸ (История, 17).*

Функцию обоснования в ситуациях рассматриваемого типа часто выполняет оборот «дательный самостоятельный»: *Аще и не взялъ мѣста оногъ главнаго сирѣчь Казани града и со тцетою немалою атоиде ||| но всяко не сокрѸшилось ему сердце і воинство его храброе ѸкрѣпляющѸ бгѸ оными совѣтниками его (История, 14 об.).*

Трудность анализа модальной структуры сложных предложений заключается в том, что текст не дает «чистых» образцов модальности одного плана, а представляет собой наслаивание друг на друга модальностей разного плана. В этой своеобразной иерархии организующую роль выполняет модальная доминанта, которая определяет актуальный смысл законченного коммуникативного отрезка. Дополнительный модальный смысл, возникающий при усложнении структуры, углубляет и усложняет модальность целого.

В пределах общей структурной схемы (ассоциация по несходству) уместается информация разного содержания. Общая формула может оказаться затемненной и обнаруживается лишь при детальном рассмотрении.

В языке Курбского часто встречаются конструкции такого типа: *И аще кто и рѣтко обрящутся таковыя правители, отъ бога намъ на пользу данныя, ||| и за правость слова ихъ и ученія всячески оболганы и ненавидими бывають ото лжебратіи и не человеклоубныхъ и лукавыхъ! (РИБ, 31, 400—401); Аще и лучится отъ священныхъ словесъ прочитаемымъ коимъ быти, ||| и мы смѣющеса между себя, а не глаголю — ругающеса, глаголемъ:*

Ееромовы, рече, словеса, подобны горѣстию хрѣну обрѣтаюся (РИБ, 31, 389); А естли часть нѣякая и преведена, ||| тогда такъ отъ нерадящихъ и отъ преписующихъ запсовано, ижъ неудобно ко выразумѣнню (РИБ, 31, 443—444). Сколько бы мы ни пытались однозначно определить смысл этих предложений, мы не приходим к окончательному выводу. Что здесь лежит в основе ассоциации — сходство или противопоставление? В каждом случае для сходства столько же оснований, сколько для противопоставления, отношения могут осмысляться и как мотивированные (условие — следствие), и как немотивированные (противительные). По существу, здесь имеет место модальное равновесие. Это находит отражение в самих модальных знаках, оформляющих данные конструкции: *аще и . . . и; естли и . . . тогда.*

Совмещение уступительной модальности с условной превращает модальный каркас структуры в риторическую формулу, которая может наполняться самой различной информацией. Модальное равновесие отражает нейтральную позицию говорящего, который только ставит вопрос, но не может дать однозначного ответа. Эти структуры, имеющие характер дилеммы, близки к современным структурам типа: «с одной стороны. . . с другой стороны». Эти отношения соотносимы с теми, которые выражаются повторяющимся союзом *и . . . и*, т. е. по существу сводятся к сочинительным, или паратактическим отношениям.

Наблюдения над сложными двучленными структурами в синтаксисе Курбского показывают, что разделение союзов на сочинительные и подчинительные мешает уяснить организующую и модально-оценочную роль союза. Семантика союза прямо не зависит ни от содержания, ни от структурной сложности компонентов, которые он облуживает.

При наблюдении над функциями союзов необходимо учитывать двойственность их природы. С помощью союза не только устанавливается связь координируемых отрезков, но и дается логическая оценка этой связи. При анализе значения союза контекст может дать повод для самых разных толкований. Однако в каждом законченном предикативном отрезке текста реализуется только одно определенное значение, соответствующее конкретному намерению говорящего лица, определенной коммуникативной задаче. Выбор модального знака определяется тем выводом, к ко-

тому приходит говорящий в результате оценки содержательной информации. В семантике союза могут отразиться колебания говорящего, который не решается дать однозначную, категорическую квалификацию связи, четко определить степень ее логической мотивированности.

Субъективно-оценочная семантика и синтаксическая изоляция сближает союзы с модальными частицами и модальными словами. Не случайно А. А. Шахматов включил в систему союзов все модальные частицы. «Тесное взаимодействие между русскими союзами и модальными словами, по-видимому, глубоко почувствовал А. А. Шахматов», — пишет В. В. Виноградов³³. «Модальные значения и оттенки русских союзов совершенно не изучены. Между тем этот вопрос крайне важен для более точного выяснения природы тех грамматических отношений, которые обозначаются союзами между синтаксическими единицами, между предложениями»³⁴.

Наиболее ярко семантический облик союза и его координирующие свойства проявляются в позиции логического центра, или связки. Это — положение между логически предшествующей и заключительной частью сложного предложения с взаимно обусловленной, двусторонней зависимостью. В этой позиции союз выполняет функцию предикативного ядра сложного предложения.

Строгое разграничение условных и уступительных конструкций, наблюдаемое в языке Курбского, позволяет говорить об упорядоченности в оформлении этих моделей. Господствующее положение в синтаксисе Курбского занимают структурные формулы, обеспечивающие широкий содержательный диапазон и смысловую емкость. Углубление смысла создается вторжением субъективно-оценочного элемента и наслоением модальных компонентов разного качества в структуре сложного предложения. Проявляется тенденция к сосуществованию уступительной и причинной модальности.

Аналитический путь исследования языка Курбского (от структуры сложного предложения к составным компонентам) представляется не только более надежным, но

³³ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 723.

³⁴ В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», т. II. М.—Л., 1950, стр. 77.

и более последовательным для выявления арсенала средств, составляющих квинтэссенцию литературности по отношению к русскому языку изучаемого периода. Информационная полноценность синтаксической стороны текстов Курбского делает их надежным источником для изучения риторических правил и приемов красноречия книжно-славянского типа языка, который «играл очень большую роль в развитии русского литературного языка донациональной эпохи и оказал значительное влияние на конкретно-исторические процессы формирования русского национального литературного языка»³⁵. Тексты Курбского дают ценный материал для определения критериев литературности в сфере синтаксиса русского языка изучаемой эпохи.

³⁵ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 65.